18+

ВЛАДИМИР ЛИЗАН

СОРНЯК

ИЛИ

ОШИБКА ЧЕЛОВЕКА

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

Владимир Лизан

Сорняк, или Ошибка человека

«Издательские решения»

Лизан В.

Сорняк, или Ошибка человека / В. Лизан — «Издательские решения»,

Готовы ли вы платить за успех? Или только думаете, что готовы?Есть люди, кому выпало проживать эту жизнь необычно. Сорняки — живущие не потому, что, а вопреки.Эта книга про такого человека.Здесь нет инструкции к успеху. Как нет и правильного маршрута, только направление. Здесь есть ошибки, прогибающие границы этики и морали. Решения, которые сначала кажутся единственно верными. Деньги, которые приходят слишком легко. И цена, которую приходится платить тогда, когда платить уже нечем.

© Лизан В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Пролог 7
Часть 1 9
Глава 1 9
Глава 2 13
Глава 3 17
Глава 4 20
Глава 5 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Сорняк, или Ошибка человека

Владимир Лизан

Корректор Ольга Рыбина
Иллюстратор Ксенон
Дизайнер обложки Клавдия Шильдик

© Владимир Лизан, 2026
© Ксенон, иллюстрации, 2026
© Клавдия Шильдик, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-5105-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Истории в этой книге основаны на реальных событиях, происходивших в моей жизни, на том, как это зафиксировалось в моей памяти. Также на рассказах моих родственников о моем раннем детстве. Это моя интерпретация событий, целью которой не является оскорбление чьих-то чувств.

Усаживайтесь поудобнее, вас ждет довольно эмоциональная и наполненная опытом история.

Пролог

Знаю, кто мне сегодня позвонит и по какому поводу. Постоянное ожидание звонка не дает расслабиться. Те, кто не напомнил о себе вчера, обязательно позвонят сегодня. Тот, кто промолчит сегодня, объявится завтра. В голове, словно лента диафильма, прокручиваются предыдущие диалоги и обещания, которые я не выполнил. Мозг ярким лучом послушно подсвечивает их, а я с усилием и скрипом прокручиваю все дальше и дальше. Заранее знаю, что скажу некоторым, что пообещаю, чтобы хоть на несколько дней ослабить этот бесконечный поток требований. Но не понимаю, что сказать тем, кому уже несколько раз обещал, но так и не отдал.

Телефон снова вздрагивает в кармане брюк, пришло смс — подозреваю, что в нем, и от этого внутри все сжимается. Почти всегда, когда не беру трубку, прилетает сообщение. В темноте комнаты ищу хоть что-то, на чем можно сосредоточиться, лишь бы не проваливаться в это состояние снова. И тогда внимание уходит туда, где в полумраке комнаты мерцает аквариум. В нем плавают большие желтые рыбы. Сом скользит по стеклу, беззвучно разевая рот, будто кредиторы, которые продолжают требовать «отдай, отдай, отдай».

Закрываю глаза. Глубоко дышу, стараюсь не утонуть в тревоге. Ощущение, что меня растаскивают, растягивают во все стороны. Лежу на детском коврике-пазле, под головой мягкая игрушка, и укрываюсь детским одеялом.

А в голове одни и те же вопросы:
Почему я оказался в такой заднице?
И что теперь делать?
Где выход из этой ситуации?

Я — успешный бизнесмен, выросший из недавнего студента, стартовавший с зарплаты в полторы тысячи рублей, которую полностью приходилось отдавать за аренду квартиры. За два года после института купивший квартиру в 130 квадратов, машину, лучше, чем у директора предприятия, где я на тот момент работал, потому что постоянно искал возможности и цеплялся за любые варианты заработать деньги. У меня собственная строительная компания, загруженная заказами, связи и знакомства с людьми, принимающими решения в городе. Последние девять лет только и делаю, что строю свое дело, развиваю его, переворачивая проблемы в задачи.

Вопрос «а туда ли я иду?» не возникает в моей голове. Только «быстрее», «больше», «выше». Масштаб — вот что мне действительно интересно.

Практически любая задача по плечу. Да, мой мозг устроен так, чтобы находить решения! Но сейчас проблем столько, что дальше вопроса «что делать?» мысли не идут. Мозг упирается в бесконечную стену задач и не видит выхода. Потому что логического решения нет.

Только само время помогает мне, медленно, но помогает. Какие-то вопросы с большими трудностями, но закрываются, дедлайн других задач сдвигается. Один объект, наконец, сдается, другой на финишной прямой. А я просто делаю все что могу. Но сейчас, в данный момент, могу только лежать и ждать, когда закончится еще один день.

Ближе к ночи поток требований выдыхается. Телефон, наконец, перестает вибрировать, и после целого дня напряжения наступает долгожданная пауза. Есть время для перезагрузки. Тишина теперь как глоток воздуха. На мгновение кажется, что про меня все забыли. Но я знаю — нет, завтра точно позвонят. Просто сегодня закрутились, не напомнили о том, что я должен. Должен. Я. Должен…

Открываю глаза и выхватываю взглядом островки своей нормальной жизни. Ходунки сына. Пару часов назад они стучали по паркету. Это его первые шаги. Игрушки дочери: розовый единорог, рассыпанные у стены кубики с буквами и пластиковое пианино. В глубине квартиры за массивом дверей слышу глухие шаги Ани. Нам предстоит непростой разговор. Она еще не знает, что все, что у нас есть, может рухнуть. Что внутри меня зреет желание бросить все и сбежать в другой город.

Лежу неподвижно и вслушиваюсь в квартиру так, будто пытаюсь отсрочить момент, когда придется снова говорить, объяснять, принимать решения. И в этой тишине внезапно проступает звук из совсем другой жизни — в аквариуме включается компрессор. Его низкое, вибрирующее жужжание вдруг кажется мне до боли знакомым. Прислушиваюсь. Он почти неотличим от гула огня в трубе старой печи, когда дрова уже разгорелись и огромные языки пламени обвивают поленья. Скоро они прогорят, но железная дверца и большие побеленные бока печи надолго сохранят накопленное тепло. Иногда внутри что-то еще будет тихо щелкать, оседать, потрескивать. И от этих звуков станет спокойно, будто дом живой, а я в тепле и в безопасности.

Всего на мгновение мне кажется, что я снова там — в доме своего детства, впереди еще вся жизнь и ничего пока не разрушено.

Шаги Ани становятся ближе, но вместо того, чтобы вернуться в реальность, глубже проваливаюсь в воспоминания. Вижу, как поворачивается дверная ручка, и в этот момент мои мысли улетают за четыре сотни километров от Красноярска. В Бирюсинск. Туда, где все начиналось.

Часть 1

Глава 1

Наша семья жила в небольшом городке, Бирюсинске, окруженном рекой Бирюсой с одной стороны и непролазной тайгой — с других. Город существовал в ритме двух заводов: лесозаготовительного и гидролизного. Пока одни мужики в тайге рубили лес и сплавляли его по реке, другие вылавливали и отправляли на пилораму. Третьи гнали этиловый спирт для нужд огромной страны. Город жил циклом: утром — на завод, вечером — в огород. Но все это оставалось за пределами моего внимания. Моей вселенной в раннем детстве был только наш дом — небольшой, деревянный, в который каждый день возвращались с работы родители.

Помню, как дверь в дом распахивалась, впуская в кухню, служившую одновременно и прихожей, запахи ранней весны: талого снега, сырой земли и мокрых досок крыльца. Потом через порог с гулким стуком, одна за другой, переступали тяжелые ноги отца в больших кирзовых сапогах. Знаю, что из-за двери он слышал знакомый звук, будто кто-то специально мучает старую несмазанную дверь — это маленький я сидел у большой, еще теплой, побеленной печи, играл своими кубиками — обрезками брусков и досок, которые принесла мама с работы и выводил бесконечную противную ноту.

— Что опять случилось? — спрашивал отец. — Олег, это ты опять обидел?

Старший брат Олег обижал меня иногда. Разница в восемь лет делала меня для него обузой, раздражителем. Ему приходилось водиться со мной, вместо того чтобы играть с друзьями. Защитить себя кулаками я не мог. Поэтому я включал свою «сирену». Знал, что плакать прямо сейчас, когда дома только брат, бесполезно, но упрямо держал эту ноту, часами подпитывая обиду. И когда, наконец, на пороге появлялся уставший отец, я усиливал рев, доводя его до предела.

Теперь Олегу не до шуток, отец был рассержен, мое тело физически ощущало напряжение, висящее в воздухе. Я сидел у печи за стенкой и слушал. как отец воспитывает брата, удовлетворенно выключал нытье м продолжал играть с брусочками. Тогда это был мой первый интуитивный инструмент влияния, доступный мне в том возрасте.

Характер — упрямый, способный гнуть свою линию вопреки всему, не взялся из ниоткуда, он передался мне от мамы, которая в свое время только упорством отвоевала себе дом на окраине городка и право голоса в нем.

В 50-е годы семью отца — моих бабушку, дедушку и их троих сыновей — репрессировали, выслав из Украины «за веру». Тогда этого было достаточно, чтобы оказаться неблагонадежным. Из южных деревень, садов и теплых хат их резко перебросило в сибирскую глушь — в холод, тайгу и чужую жизнь, где вокруг вместо полей стояли лес и бараки. Их привезли в Бирюсинск и поселили в одной комнате на всех. Так и жили: в тесноте, далеко от дома, постепенно привыкая к новой реальности.

Вот только ни ссылка, ни тяжелая жизнь не заставили их отказаться от веры. На новом месте они нашли таких же верующих людей, начали собираться по домам, поддерживать друг друга, вместе молиться и петь. Для семьи это стало способом сохранить самих себя в новых условиях.

Мама росла в обычной для тех мест семье, ее заинтересовали рассказы о верующих и их собраниях. В маленьком городе все друг о друге знали: кто-то осуждал общину, кто-то побаивался, а кто-то, наоборот, тянулся к этим людям из-за их сплоченности и внутренней уверенности в том, во что они верят. Маме стало любопытно, чем живут люди, ради чего готовы терпеть

давление и не отказываться от своих убеждений. Сначала, она просто приходила послушать на собрания, а позже сама стала частью общины. Там она встретила будущего мужа — моего отца.

Он казался ей слишком настойчивым и несерьезным. Но отец методично продолжал попытки ухаживать. Просил знакомых из общины передать, что настроен на серьезные отношения, на семью. Специально приходил на собрания пораньше, чтобы помочь расставить лавки или проводить ее после встреч. Если мама задерживалась у кого-то из верующих, папа тут же вызывался идти вместе: «Чтобы одной по темноте не возвращаться». Скоро о его чувствах знала не только вся община, но и почти весь город. Кто-то подшучивал над ним, кто-то поддерживал, а он настойчиво продолжал ухаживать. Понемногу холодность мамы растаяла, и вскоре они поженились, начав семейную жизнь в том самом бараке, куда привезли из Украины семью отца, практически в нищете. Там же родились их первые дети — Люба и Виктор.

Отец пропадал на работе, дом в это время превращался для мамы в место унижений и презрения. Свекровь демонстративно накрывала на стол только для себя, игнорировала невестку, каждую секунду через холодный взгляд и тяжелые вздохи напоминала о том, что здесь она — чужая. Не хотела она, чтобы сын женился на москальке. В тесноте барака такое давление ощущалось особенно остро. Мама пыталась говорить об этом отцу, но он не верил. Ему казалось, что это обычные семейные трения, преувеличенные усталостью и обидами двух хозяек в одном доме, потому что его мама менялась, как только он переступал порог.

Когда свекровь в очередной раз отказала ей в еде, мама собрала одежду, взяла на руки годовалого сына, за руку двухгодовалую дочь и ушла из дома. Она больше не могла ждать, когда отец поймет и спасет их семью. Жизнь стала настолько невыносимой, что она решила пойти куда глаза глядят, лишь бы не оставаться здесь.

Она бродила с детьми по Бирюсинску и не понимала, что ей делать. Когда уже казалось, что все потеряно, на окраине города она увидела новый дом на две семьи, с отдельными входами и общей стеной посередине. Двор был не обжит, вокруг только глина, доски, строительный мусор. Она зашла в одну из половин. Внутри еще пахло свежеспиленным деревом, кое-где по стенам стекали потеки смолы. «Люба к юбке моей прижалась, вижу, что дети устали совсем, — рассказывала мама. — Я поняла, дальше идти не могу. Надо здесь оставаться».

Дом был передан одному из строителей этой улицы. Он пришел, постоял посреди еще пустого двора, вокруг сырой земли и разбросанных досок, попытался убедить маму пойти куда-то в другое место, но не смог.

Потом пришли люди из райсовета и предлагали подобрать ей другой вариант, раз этот распределен. Но мама не уходила. Она решила, что будет жить здесь, и отступать не собиралась. Выгонять женщину с двумя детьми никто не решился, так этот дом стал нашим.

Отец нашел ее через несколько дней и звал обратно.

— Оля, ну что ты делаешь? Пойдем домой, — говорил он. — Зачем так?

— Домой? — переспрашивала мама. — А разве у меня там был дом?

Папа еще приходил, разговаривал, пытался все исправить. Но мама уже отделила прошлую жизнь от новой. Слишком долго она молчала, слишком долго пыталась ужиться с чужими правилами, чтобы теперь просто взять и вернуться обратно в ту же тесную комнату, где у нее не было даже права что-то сказать. Наверное, впервые в жизни она почувствовала под ногами что-то свое. Пусть это был еще чужой дом с голыми стенами, но решение остаться и жить в нем принадлежало ей. Вернуться в прежнюю зависимость она уже не смогла.

Отец со временем понял, что перед ним больше не та тихая девушка, которую можно уговорить потерпеть еще немного. Она изменилась, в ней появилась какая-то тихая внутренняя сила, из опоры на себя.

Потребовалось время, чтобы она простила его и пустила жить к себе в дом.

Постепенно жизнь пошла своим чередом. Отец продолжал работать грузчиком на заводе, а в свободное время шабашил, чтобы подзаработать — пилил и колол дрова соседям. Дети, а их уже стало пятеро, подрастали, двор заполнялся большим хозяйством. В стайках жили свиньи, овцы и корова, повсюду бродили куры. Мама оставалась хозяйкой дома, заботилась о детях. Казалось, она отвоевала право на собственный дом, но семейный уклад все равно подчинялся мужчине. Папа зарабатывал и сам решал, что нужно семье, а что может подождать.

— Миша, надо шкаф купить. Вещи складывать некуда, — просила мама.

— А гвозди на что? Где тебе нужно, я вколочу, будем вешать.

И мама вновь приняла волевое решение — устроилась на работу в цех переработки древесины. И с первой же зарплаты купила шкаф, не прося и не спрашивая разрешения.

Так лесозавод вошел в ее жизнь на долгие годы. Время текло привычно и однообразно, как оно течет в небольших рабочих городах. Ранние подъемы, смены, хозяйство, дети, бесконечная стирка, огород, заготовки на зиму. Дни складывались в недели, недели — в годы. Казалось, жизнь нашла свой ритм и теперь так будет всегда. Но однажды привычный порядок снова дал трещину. Новая начальница невзлюбила маму. Начались придирки по мелочам, потом постоянные замечания, попытки унизить перед коллективом, давление. После смен мама возвращалась домой выжатой, идти на работу было невыносимо. Тогда она приняла решение — забеременеть и уйти в декрет. Так, спустя восемь лет после рождения младшего сына Олега, в семье появился шестой ребенок — я, Володя Лизан. Меня родили не потому, что хотели, а потому что обстоятельства сподвигли маму пойти на это. И рос я сам по себе, как сорняк, почти беспризорно: просто бегал рядом, занимался чем хотел в пределах дома и двора. Когда все уходили по делам, меня запирали одного дома. Я сидел у теплого бока печи и играл с сосновыми брусками — единственным моим богатством, потому что других игрушек в детстве у меня не было.

Родители все время были заняты работой, хозяйством, домашними делами. Братья и сестры своими заботами. Старшие уже выросли, младшие с ранних лет трудились: пасли коров, кормили домашних животных, убирали за ними, помогали по дому и в огороде.

В детский сад меня не водили, поэтому общаться со сверстниками у меня возможности не было. Так что я слонялся целыми днями: вертелся рядом со старшими, сидел на крыльце, бродил по огороду, путался под ногами. Часто подслушивал разговоры и ждал, что меня заметят. Пробовал общаться с домашними животными, но они меня почему-то не любили: бараны и корова бодали, петух набрасывался и клевал. В двухлетнем возрасте я ударил прутиком нашего пса, он уронил меня и начал грызть голову, рассказывали, что я почему-то при этом не кричал и взрослые не сразу это увидели. Меня удалось спасти, а собаку пришлось пристрелить. Временами я чувствовал себя очень одиноким и приставал к старшим и взрослым. Однажды отец точил цепи на бензопилу, я терся рядом, он и не заметил, как я запихал пальцы в вентилятор двигателя, пальцы мои сильно пострадали.

Примерно раз в месяц у нас собиралась община верующих, к которым принадлежала наша семья, становилось веселее, во дворе и в доме была суета, до начала и после. «Однушка» в тридцать шесть квадратов наполнялась людьми, приходило по сорок—пятьдесят человек, становилось тесно и шумно. Лавки ставили почти вплотную друг к другу, кто-то стоял у стен, кто-то присаживался прямо у печки. В воздухе смешивались запахи одежды и улицы. Дом наполнялся теплом и голосами. Я помогал подготовить место для встречи: вынести лишнее, расставить места для сидения, крутился рядом, наблюдал, как все собираются, здороваются, рассаживаются. Потом все вместе обязательно читали Библию, обсуждали, а после — пели.

Во время собраний границы маленького двора стирались, уступая место совершенно другой, скрытой от посторонних глаз, реальности. Это был наш собственный мир со своим четким укладом, со своими правилами. Я сидел в уголке, наблюдал, как взрослые люди общаются,

смеются, слушал их разговоры и едва ли понимал, что за пределами нашего дома есть еще больший мир, с которым мне только предстоит познакомиться.

Глава 2

Я знал, что тоже когда-нибудь пойду в школу вслед за старшими, но к моему первому классу все они уже выпустились. Осваиваться пришлось в одиночку, и первые же дни стали для меня огромным стрессом.

В садик я не ходил и такого количества сверстников сразу не видел. А тут вдруг — целое море других детей, голосов, смеха, крика, в котором я немного потерялся.

Помню холодное утро, лучи солнца пробивались сквозь облака. На деревьях уже виднелись желтые листья. Меня окружали букеты гладиолусов и астр, белые банты девочек, новые портфели и радостное волнение. Все были с цветами, переговаривались, смеялись. А я крепко держался за руку мамы и старался не отстать от нее. Свой букет я неловко протянул учительнице. Потом нас завели в класс, рассадили по местам, начали знакомить. Некоторые ребята уже давно знали друг друга: ходили вместе в садик, дружили семьями, чувствовали себя уверенно и свободно, в отличие от меня. Они легко разговаривали, шутили, смеялись.

Я был стеснительный и самый маленький мальчик в классе. Прежде чем что-то сказать, думал. Не умел вот так сразу влиться в чужую компанию. Более бойкие ребята это заметили. Иногда могли подтолкнуть, передразнить или посмеяться просто потому, что я терялся и не знал, как ответить. Заступаться за меня никто не спешил. Постепенно я понял, что мир за пределами дома живет по другим правилам. И к этим правилам мне еще предстояло привыкнуть. То, что я из семьи верующих в Бога, не упрощало мне задачу.

Пока я жил в семье, собрания и совместные песнопения казались мне нормальными событиями. Я думал, что так живет большинство. А в школе стали учить, что Бога нет, что все — результат эволюции. Когда учились мои старшие братья и сестры, им за веру сильно в школе доставалось, могли силой держать и завязывать пионерский галстук на шее, запирать в классе и заставлять говорить, что Бога нет. В мое время к верующим относились уже более снисходительно, но все равно за спиной хихикали, выспрашивали, чем мы занимаемся на собраниях.

Сама учеба давалась мне довольно легко, особенно математика. На уроке я всегда решал больше и быстрее, чем другие. Такой азарт был — решить первым все задачи со звездочками, которые на доске записывал преподаватель математики, он же директор школы. Это был человек строгий, немногословный, из тех, кого в школе немного побаиваются. Он редко кого-то хвалил и почти никогда не повышал голос — ему это было не нужно. Достаточно было одного взгляда, чтобы в классе становилось тихо. На урок он всегда приходил аккуратно одетый, с чуть потертым портфелем под мышкой и неизменным запахом мела, который тянулся за ним по коридору.

Жизнь за пределами школы была мне куда интереснее. Особенно летом, когда заканчивались уроки и весь Бирюсинск будто выходил на улицу. В классе третьем я начал ходить с ребятами на речку купаться. Для нас это было приключение. Собирались шумной компанией, кто с полотенцем через плечо, кто босиком, кто с хлебом в кармане вместо нормального перекуса, и шли по пыльной дороге к озеру или на реку.

Речка летом жила своей жизнью: у берега вода прогревалась и пахла тиной, стрекозы носились над поверхностью, в камышах что-то постоянно шуршало, а солнце так нагревало камни, что на них невозможно было долго стоять босыми ногами. Мы ныряли, брызгались, орали друг на друга, устраивали соревнования — кто дальше заплывет или дольше продержится под водой.

До этого отец пытался научить меня плавать, когда мы ездили на море, в Новороссийск. Но у него был свой подход — довольно жесткий. Он просто брал и закидывал в воду:

— Захочешь — поплывешь.

Было страшно до ужаса. Помню соленую воду во рту и в носу, как захлебывался, барахтался, не чувствуя под собой дна. Сердце колотилось так сильно, будто сейчас выскочит из груди. Я плакал, кашлял, цеплялся за воздух и воду руками, а море вокруг казалось огромным и чужим. После таких «уроков» плавать я так и не научился. Наоборот, воды какое-то время даже побаивался.

А потом все получилось само собой, на нашей речке. Просто рядом были друзья, которые уже умели плавать. Я смотрел на них, повторял движения, сначала осторожно заходил по пояс, потом дальше. Учился держаться на воде понемногу. И однажды вдруг понял, что плыву сам. Помню это ощущение до сих пор — тихую радость и удивление от того, что у меня получилось.

Эти прогулки с друзьями сильно расширили мой мир. Стало больше свободы, больше пространства вокруг. Мы много времени проводили на улице, бегали по лесу, играли в войнушку, строили шалаши, лазили где только могли.

Но просто играть в уже исследованных местах, в одни и те же игры мне быстро наскучивало. Внутри всегда было желание делать что-то своими руками, как когда-то, когда я сидел у печки и строил дороги, мосты и дома из брусков и обрезков досок. Хотелось не просто играть, а именно придумывать, собирать, переделывать.

Меня всегда тянуло разобраться, как устроена вещь: почему крутится колесо, откуда берется движение, зачем здесь этот провод или шестеренка. Наверно, поэтому дома меня все называли профессором. Сломанные игрушки были особенно ценными для меня. Своих, конечно, не было, но у друга Женьки, который жил неподалеку, такие вещи водились. Их семья была более обеспеченной, чем наша. У него появлялись игрушки, о которых большинство ребят у нас могли только мечтать: машинки на батарейках, железная дорога, какие-то заводные механизмы. Я помню, как мы собирались у него дома и смотрели, как по рельсам едет маленький поезд с вагончиками, и нам это казалось чудом. Но любые игрушки рано или поздно ломались, и тогда я выменивал их у него.

Для него это была ненужная куча пластмассы, металла и проводов, а для меня — возможность создать что-то новое. Я разбирал машинки до последнего винтика, осторожно вытаскивал маленький двигатель, рассматривал шестеренки, провода, колесики. Мне нравился этот процесс — сидеть во дворе или дома за столом, склонившись над разобранной игрушкой, и пытаться понять, как заставить ее снова двигаться, или из нескольких собрать что-то свое.

Я мог вырезать из доски корпус для кораблика. Дерево пахло свежей стружкой, оставляло занозы в пальцах, а нож иногда срывался и резал кожу. Но меня это не останавливало. На моторчик я надевал самодельную лопасть и крепил его к корпусу корабля, прикручивал провода к самодельному пульту управления. Выглядело это всегда аккуратно. Игрушка, сделанная собственноручно, вызывала настоящий восторг, когда плыла по большой луже туда, куда я ее направлял.

Я запускал эти кораблики в больших лужах возле дома. Кораблик дрожал от работы моторчика, неуклюже крутился, иногда заваливался набок, но все равно плыл.

А я чувствовал удовольствие от того, что можно что-то создать своими руками. Но как только я разбирался, как все устроено, переключался на что-то другое. Мне нравился сам процесс поиска: «А что еще можно из этого сделать?»

Именно этот внутренний интерес привел меня к первому заработку. Я узнал, что в пункт приема стеклотары можно сдавать бутылки — за одну давали двадцать копеек. Для мальчишки — целое состояние! А дома в сарае я обнаружил около двадцати грязных бутылок от лимонада. Я собрал их, вымыл в тазу и утащил на пункт приема. Потом начал собирать на улице, подбирал в тех местах, где мужики соображали на троих. В итоге за лето выручил 16 рублей. Брат знал, что у меня в копилке деньжата лежат, и когда они с друзьями решили что-то отметить, он попросил в долг:

— Слушай, займи денег. А я тебе с получки отдам.

Я сначала не согласился, но он сказал, что вернет 25 рублей. Я занял. Через неделю он действительно вернул, да еще и с процентами. Потратил их я только через год, в поездке с отцом на Украину. Там я впервые увидел совершенно другой уклад: огромные каменные города, цветущие сады — и родственников, которые жили богаче нас. После деревянных домов, пыльных улиц и привычной северной суровости все вокруг было очень необычным. Мне было девять лет, и все воспринималось скорее как яркие вспышки впечатлений: другой воздух, дома, улицы, люди. А потом я снова вернулся в свой привычный маленький мир — Бирюсинск, школа, двор, речка. И снова надолго будто закрылся внутри него.

У меня дома было свое убежище, о котором никто не знал. Во дворе стоял дровяник — длинный сарай с аккуратно сложенными поленницами и выходом на улицу. Дрова там лежали почти до самой крыши, и однажды я заметил, что между верхними рядами поленьев и крышей остается небольшое пустое пространство. С земли его почти невозможно было увидеть. Я пролез туда, начал осторожно расталкивать дрова в стороны и постепенно устроил себе маленькую «комнату» — метр на метр, не больше. Туда я перетаскал свои вещи: старый коврик, подушку, какое-то одеяло. Иногда залезал туда днем и лежал в тишине. Внутри пахло сухим деревом, пылью, смолой. Сквозь щели в стенах пробивались тонкие полоски света. С одной стороны было видно улицу, с другой — двор. Я сидел тихо, наблюдал за людьми, слушал разговоры, лай собак, скрип калитки. И никто не знал про это место. Это была моя берлога. Там я чувствовал себя спокойно.

Как-то отец привез с лесозавода целую машину старых щитов от разобранных бараков. Он разобрал их, доски сложил отдельно, опилки — в большую рыхлую кучу, а я постоянно крутился рядом, смотрел и даже помогал немного. И однажды, когда он ушел на смену, я решил: буду строить.

Помню это ощущение очень ясно: двор пустой, тихий день, сложенные доски лежат возле сарая, и у меня вдруг появляется мысль «А почему бы не построить себе домик, с дверью, с окном, как настоящий?»

Я сначала нарисовал его: как он будет выглядеть, где дверь, где окно. Потом начал думать, с чего начать.

Нашел бруски, отмерил и обрезал в одну длину, взял у отца гвозди и сколотил каркас. Потом принялся за стены. Доски были тонкие, миллиметров пятнадцать, легкие. Я нарезал их, прибивал одну за другой. Сделал дверь — нашел в сарае какие-то маленькие шарниры, прикрутил. Вырезал окно, даже сделал для него ставни. Потом сделал крышу. Внутри настелил пол — мне хотелось, чтобы там было по-настоящему уютно.

Я провозился с этим весь день. Пилил, стучал молотком, таскал доски, забивал гвозди криво, потом вытаскивал и забивал снова. Для меня это была не игра — я действительно строил свой дом. И к вечеру он уже стоял во дворе. Как только я перенес в него свои вещи, вернулся отец.

Он не кричал, но я по его виду сразу понял, что он рассержен, потому что я без спроса взял доски, а отец был человеком хозяйственным. У него все должно было лежать на своем месте. Несмотря на то, что мы жили небогато, порядок в доме и во дворе для него был почти законом. Тем более доски тогда были настоящим дефицитом.

Он посмотрел на мой домик, потом на оставшиеся доски и сказал, что все нужно разобрать, все гвозди вытащить, выпрямить и положить туда, где взял. Помню, как я сидел уже вечером: вытаскивал гвозди, складывал доски обратно в штабель, а потом во дворе на куске рельса выпрямлял каждый гвоздь молотком, чтобы их можно было использовать снова. Тогда мне это казалось несправедливым.

Но интерес — мастерить что-то почти из ничего — у меня не пропал. В сарае валялись разрозненные старые детали от велосипедов старших братьев. Из них и из того, что выменял у

друзей, за лето я собрал себе велосипед. Мне нравилось не только ездить на нем, но и постоянно с ним возиться. Я мог каждую неделю разобрать велосипед до последнего винтика, аккуратно разложить детали, промыть их в бензине, заново смазать солидолом и собрать обратно.

Вот эти действия — разобрать, понять, починить и снова заставить работать — были для меня настоящим удовольствием.

* * *

Возможно, именно поэтому у меня так хорошо складывались отношения с математикой в школе. В ней было то же ощущение, которое я испытывал, когда собирал велосипеды, мастерил что-то или пытался понять, как устроен какой-нибудь механизм.

Занимаясь математикой, я испытывал похожее переживание. Даже сложное уравнение сначала казалось набором непонятных символов, но стоило начать раскладывать его шаг за шагом, как из хаоса появлялся порядок. С двумя ребятами в классе мы настолько увлеклись математикой, что самостоятельно прошли программу не только своего класса, но и следующего. Тогда наш математик, он же директор школы, сказал:

— Основной предмет вы прошли, а с остальными разберетесь!

И нас в конце апреля перевели в седьмой класс. Но эксперимент оказался недолгим: с математикой и физикой мы еще справлялись, а вот по остальным предметам приходилось догонять программу. Через пару недель мы с одним из ребят вернулись в свой класс, о чем не капли не пожалели, второй продолжил учится в седьмом. Следующий год мы просто могли не ходить на математику или заниматься чем-то другим, например домашкой. Но сама возможность что-то делать не по правилам, что-то делать быстрее, чем это делается обычно, которую мне показали, сильно расширила мой взгляд на эту жизнь и еще не раз мне пригодится.

* * *

К седьмому классу у меня появился более серьезный транспорт — мотоцикл. А с ним жизнь стала еще свободнее. Это были уже девяностые. Страна вокруг быстро менялась. Взрослые постоянно говорили про задержки зарплат, про сокращения, про то, что «раньше было по-другому». На улицах становилось больше какой-то общей усталости и запущенности. Где-то закрывались предприятия, пустели склады, ржавела техника. В магазинах то появлялось все подряд, то снова полки стояли полупустые. Люди выживали как могли: кто-то торговал, кто-то ездил на заработки, кто-то тащил с работы все, что можно было унести. Но для нас, пацанов, в этом времени было ощущение какой-то свободы. Тогда мы и начали ездить в тайгу по старой лесовозной дороге. Я инициировал эти поездки, так как был единственный, кто не боялся дикого леса и был с ним хорошо знаком благодаря брату.

Глава 3

Брат Гена познакомил меня с тайгой, когда мне было лет двенадцать. Он — охотник, уже взрослый семейный человек — жил в дальней деревне около леса. И однажды под конец промыслового сезона, в конце зимы, позвал меня с собой «закрывать тайгу». Мы добрались до его угодий, обошли все охотничьи тропы, сняли капканы, закрыли плашки, привели тайгу в порядок, чтобы летом случайно никто не попался и не пропал зазря. Добравшись до дальней избушки, Гена спросил меня:

— Хочешь пострелять? — У него на плече была легкая «тозовка», которую он снял и протянул мне. — Держи. Вон сосна на том берегу стоит — попади.

Я взял ружье и сделал несколько выстрелов — вроде получилось. Звук от попадания пули в дерево на том берегу был почти не слышен, но я все равно пытался понять — попал я или нет. Это было интересно. Он пошел заниматься какими-то делами, а я продолжал стрелять.

Через полчаса он вернулся, и мы пошли назад.

Я впервые стоял на охотничьих лыжах, обитых камусом и довольно громоздких. По тропе к дальней избушке мы в основном шли вниз либо залазили в небольшие горки, а вот на обратном пути я не смог забраться в одну из гор, постоянно съезжал в самый низ, не добравшись и до середины. Снег был глубокий, и без лыж я бы просто провалился по пояс. Я поднимался, скатывался, опять поднимался и опять скатывался, на глазах уже были слезы, внутри было чувство бессилия, но я продолжал пробовать. Брат сверху терпеливо наблюдал за попытками, закручивал табак в самокрутки, курил и ждал, когда у меня получится. Я злился на него, думал, что он большой и взрослый и мог бы как-то помочь мне. Но он просто сидел наверху и курил. Но сам я помощи у него не просил почему-то, что-то мне не давало это сделать. Внутри росло отчаяние, сил почти не было, чувство бессилия переполняло меня, но ноги продолжали передвигаться. Я уже находился в каком-то измененном состоянии сознания, когда лыжи оказались на плато.

Я был мокрым, без физических сил и выжат эмоционально. Гена встал и просто пошел дальше, в тот момент я был очень сердит на него. Обессиленный, я продолжал идти за братом, все время, пока мы шли, я хотел спросить, долго ли нам еще идти и можем ли мы остановиться на отдых. Но я молчал и из последних сил плелся за братом. Одежда на мне потихоньку высохла.

Я был счастлив, увидев избушку, и предвкушал долгожданный отдых. Но, добравшись до нее, брат сказал, что надо нарубить дров и наколоть льда из замерзшего ручья в низине. Тогда я думал, что больше никогда, ни за что не пойду в тайгу.

На следующий день мы стали спускаться по реке в сторону деревни. Валил густой снег, хлопья покрывали пушистым одеялом реку Туманшет.

— Смотри, впереди стая волков идет, — сказал вдруг брат и показал на тропинку неподалеку. Свежие следы еще не успело занести снегом.

— Вожак всегда обходит каждый остров с одной стороны, а стая с другой. Вожак лает, если в лесу на острове есть зверь, он бежит в другую сторону, а там его поджидает стая. Надо ружье проверить.

Он снова скинул «тозовку» с плеча и дал мне:

— Вон, видишь на берегу избушка, попади в трубу.

Я нажал на курок, осечка. Перезарядил, снова — осечка. Гена посоветовал поменять патрон, не помогло. Он взял ружье и сам попробовал выстрелить. Осечка.

— Да ты боек погнул, затвор не до конца доводил, когда стрелял вчера!

Гена достал из рюкзака пассатижи и поправил боек. Он выстрелил, пуля попала в трубу избушки и рикошетом ударила мне в грудь. Брат замер. Толстая овчинная шуба смягчила удар, и пуля отскочила.

— Маме не рассказывай, — бросил он, накинул ружье на плечо. — Пошли скорее.

И мы пошли, имея при себе сломанное ружье, в котором надо постоянно поправлять боек, и топор.

Через пару островов следы стаи ушли к берегу и в лес, наше внутреннее напряжение немного спало. Так прошло мое первое знакомство с тайгой.

В следующий раз мы пошли с братом в тайгу, когда пришла холодная осень. Снег покрывал землю и мохнатые лапы сосен и елей. Тропинки в лесу засыпало, но река не была еще покрыта льдом. Брат со своим товарищем посадили меня в лодку, и мы поплыли вверх по течению Туманшета. Берега медленно двигались мимо, я любовался красотой тайги. Вдруг брат причалил к берегу, метрах в двадцати стояла вросшая в землю избушка.

— Мы с Алексеем в верховье сплаваем, надо продукты по лабазам растащить. Я к тебе через три дня пешком вернусь. Можешь в этой избе остаться, можешь в ту, что в глубине, пойти, там комфортнее, здесь пару часов пути по тропе.

Подал мне двустволку шестнадцатого калибра, «тозовку», пачку патронов к ней, рюкзак с продуктами, высадил из лодки и трехмесячного щенка, что с нами плыл, чтоб мне скучно не было, и уплыл с товарищем.

Я сам не понял, как снова остался один. Но на этот раз оказался один в тайге, границы которой не видно. До ближайшей деревни километров сорок пешком. И то неизвестно в какую сторону. Посмотрел, как брат скрылся вдалеке, надел рюкзак, закинул ружья на плечи, позвал собаку с собой и пошел к избушке. Она стояла недалеко от реки. Высокие ели подступали к самым стенам, скребли лапами крышу. Бревна почернели от времени, местами потрескались, покрылись серым мхом. Казалось, дом медленно врастает в землю. Крыша просела под тяжестью дождей и снега. Из трубы давно не поднимался дым. Одно окно было заколочено, второе мутнело грязным стеклом, за которым стояла непроглядная тьма. Дверь висела криво, покачивалась от ветра и тихо поскрипывала, будто это я сам ною в ожидании, когда придет отец и накажет брата.

Зашел с щенком в избушку. Внутри пахло сыростью, холодом и старым деревом. По углам висела паутина, а на полу был слой грязи. Оставаться здесь на ночь совсем не хотелось. Но за стенами даже этого непригодного для жизни жилья была дикая тайга, которая потрескивала деревьями, кричала птицами, шуршала кустами и медленно покрывалась снегом, словно пыталась натянуть на себя одеяло и скрыть под ним все живое. Я понял, что остаться здесь не могу. Даже печь растопить не получится — она была полуразрушена.

— Надо дальше идти, Жулька, — сказал я крутящемуся под ногами щенку и вздохнул.

На улице еще было светло, и тропинки, ведущие к верхней, более обжитой избушке, еще виднелись. Я решительно пошагал в глубину тайги. За мной след в след побежал щенок. Вокруг стеной стояла тайга. Быстро темнело. Снег метался на ветру, залепляя глаза, прилипая к одежде, налипая на подошвы сапог. Вдруг щенок что-то выкопал из-под куста. «Это же кость! Свежая. Значит, зверь может быть совсем близко». Внутри все заледенело, а ноги сами продолжали передвигаться все быстрее и быстрее.

Скоро я понял, что не совсем понимаю, куда иду. Становилось темно, зарубки охотников на деревьях разглядеть было сложно. Только опытный человек узнал бы их издалека. А я — мальчишка, впервые оказавшийся в диком лесу один, сердце которого от страха стучало на всю тайгу, — не сразу мог их найти. Поэтому шагал интуитивно. Туда, где была спасительная обжитая избушка. Туда, где можно было закрыться и оставить лес за дверями, а самому развести огонь в печи, согреться и побыть в безопасности.

Иногда останавливался посреди белой дикой тайги и понимал, что потерял тропу. Стоял, тяжело дыша, и вглядывался в деревья, пытаясь найти следующую зарубку, которую охотники оставляют, чтобы находить путь. Но вокруг были только темные стволы, снег и сумерки, которые подкрадывались слишком быстро. Ветер гудел где-то в верхушках сосен, низко, протяжно,

будто волки воют в глубине леса. Деревья потрескивали от холода, и каждый такой звук заставлял вздрагивать.

Страх поднимался внутри медленно. Начинало казаться, что тайга смотрит на меня со всех сторон и спрашивает: «Сможешь?» Она была огромная, живая, и если свернуть не туда — уже не выпустит. Тайга не прощает ошибок.

Возвращаться назад к первой избушке было поздно — следы уже замело, точно пропадешь. Поэтому через страх и желание заплакать я просто шел вперед, то и дело подзывая к себе щенка. Через пару часов увидел меж елей ложбинку, где стояла избушка. Ноги сами несли меня последнюю сотню метров. В тайге темнеет быстро, от сумерек до полной темноты не больше часа, когда я открывал дверь — мгла уже накрывала лес. Я затопил печь, разогрел еду, покормил Жульку, поужинал и лег спать.

Проснувшись утром, первым делом проверил ружье и патроны. Гена не дал мне с дробью, только пулевые, а ходить и носить с собой два ружья не хотелось. До этого никогда еще сам не заряжал патроны и не знал, сколько нужно пороха, сколько пыжа и сколько дроби класть. Первый раз переборщил с порохом, выстрел получился слишком мощным, почти отбросил меня, а дробь кучно легла в тес, который я сделал на дереве метрах в двадцати. Несколько следующих попыток помогли найти нужные пропорции, и в итоге я сделал себе пару десятков патронов и ходил по тайге с двухстволкой шестнадцатого калибра, имея при себе и пулевые, и дробовые патроны. Готовил еду, колол дрова, а вечерами крутил из газеты самокрутки с табаком и курил.

Брат вернулся через две ночи.

— Видел следы, медведь в твою сторону пошел, запереживал, решил пораньше вернуться, — сказал он, войдя в избушку. — Как ты тут, справился?

Я был рад брату, но виду не подавал. Увидев его на пороге у дверей, с ружьем, в больших сапогах, рюкзаком и в огромной куртке камуфляжной расцветки, понял, что за эти двое суток одиночества повзрослел. Теперь я не тот мальчишка, которого он оставил два дня назад одного в глухой тайге.

Глава 4

Ездили мы с ребятами в тайгу в основном за черникой. Для нас это было сразу и приключением, и свободой, и заработком. Ведро ягоды тогда стоило довольно дорого. Горбовик — это два полных ведра — уже приносил ощутимые деньги. Родители к тому времени были на пенсии, и я понимал, что могу хотя бы частично обеспечивать себя сам.

До тайги, где охотился брат и где я знал все ягодные места, можно было добраться по автомобильной дороге через деревню Венгерка. Но перед мостом через Бирюсу стоял пост ГАИ. А поскольку прав на управление мотоциклами у нас не было, то этот путь сразу отпадал.

Тогда мы нашли другой. Через Бирюсу проходил еще железнодорожный мост линии Тайшет — Абакан. В начале девяностых страну лихорадило, денег не было, людей сокращали и охрану с моста сняли. Мы узнали об этом и решили перебираться на другой берег прямо по железнодорожному мосту.

Доезжали до насыпи, останавливались перед рельсами и сначала прикладывали ухо к рельсе, слушали — не идет ли поезд. Если поезд уже был близко, слышно было удары колес локомотива по рельсам. Дорога там шла с поворотами, обзор был плохой, состав мог появиться неожиданно. Если нам отвечала тишина, мы быстро перетаскивали мотоциклы через рельсы и выезжали на мост. На мосту были еще внутренние рельсы, необходимо было перетащить и через них, и уже между ними лежали две дощечки для того, чтобы проходчики могли ходить по ним и проверять состояние моста. По ним и ехали. Под колесами пустота и темная вода Бирюсы далеко внизу. Доски дрожали, где-то поскрипывали, а по бокам только железо и воздух. Бывало, что ты уже почти на середине моста и вдруг сзади раздается гудок поезда. Понимаешь, что поезд остановиться не сможет — у него тормозной путь очень длинный. И остается только одно — двигаться быстрее. Но быстро там тоже нельзя: чуть дернешь руль, сорвешься с досок, и тогда все.

В этот момент руки крепко держали руль, стопы упирались во внутренние рельсы так, что подошва на обуви плавилась от трения, сердце колотилось, в голове пульсировала кровь. Сзади уже нарастал грохот состава, мост начинал вибрировать, а я гнал и думал: «Только бы не свалиться, успеть доехать и перекинуть мотоцикл». Доехав до конца моста, буквально сталкивал мотоцикл с откоса, спрыгивал сам, и через несколько секунд мимо с ревом гудка проносился поезд.

Однажды состав вышел навстречу. Конечно, мы послушали рельсы перед заездом, но долго провозились, перетаскивая вещи, ехали уже назад, и горбовики были тяжелые с ягодой. Нам повезло, мы проехали метров тридцать, как из-за поворота показался локомотив, пришлось тянуть мотоциклы задом назад, быстро не получалось, мы не успевали дотащить их до того места, где перекидывали их через рельсы, пришлось сбросить их на другую сторону, где было болото. Вариантов других просто не было. Потом мы долго вытаскивали их наверх по откосу из щебня, скользя и сползая вниз, смогли забраться только на какой-то силе воли. Опять заскочили на мост и газу. Все это нужно было делать быстро, потому что машинист точно передал информацию на станцию, и за нами уже точно выехала охрана.

Насколько безумными были эти поездки? Чем мы тогда думали?

То, что мы делали, не всегда хорошо заканчивалось.

Однажды мы вчетвером добрались до избушки уже вечером, поели, выкурили по самокрутке и легли отдыхать. Вдруг Алексей, он был самый старший из нас и самый крепкий, говорит:

— Ребят, я в туалет хочу, можно я здесь в углу просто в баночку по-маленькому?

— Ты что, нет конечно, иди в кусты, — сказал кто-то из ребят.

— Мне страшно! Володя, ты можешь хотя бы с ружьем рядом постоять? — спросил он.

Было действительно темно, и я согласился. Мы вышли, Алексей отошел чуть дальше и стал делать свои дела. Женька и Володя остались в избушке и решили над нами пошутить. Кто-то из них открыл окно с другой стороны и кинул в кусты полено, в кустах зашумело и застучало, второй при это встал у двери и начал кричать:

— Медведь! Медведь!

Я ринулся к избушке и через секунду был внутри, стал взводить ружье. Они сразу за мной закрыли дверь, и Алексей остался снаружи. Я сначала не понимал, что происходит, почему они его не впускают, а он колотится в дверь в истерике, потом по их улыбающимся лицам я понял, что нас разыграли, сказал им впустить его. Он накинулся на них, но я их разнял.

Мы опять легли отдыхать, в избушке был какой-то глухой звук, тук-тук-тук, я прислушался и сильно удивился, когда понял, что слышу, как колотится сердце Алексея, который лежит у другой стены.

На следующий день мы собирали чернику. Находили полянку с черничником, около одного из деревьев примерно по центру я ставил горбовик и ружье, брал совок и ходил с ним, набирал полный, высыпал в горбовик. Как только собрали всю чернику, искали следующую полянку. И вот я обнаружил, что ружья нет, на какой-то из полянок я горбовик забрал, а ружье забыл.

— Ребят, я ружье потерял.

Вот тут у всех напряжение подскочило, с ружьем как-то всем спокойнее было. Интерес к ягоде у всех сразу пропал.

— Где ты мог его оставить?

— Не знаю, где-то там, — неуверенно показываю в сторону.

Пошли искать, минут через двадцать нашли. После этого все стали за мной присматривать, да я и сам стал держать на этом внимание.

У меня в этом возрасте было много «приключений», и не только в тайге. Как-то зимой вернулся я от Гены домой, вылез с электрички, дотопал до дома, был уже вечер, зимой темнеет рано. Съел бутерброд и бегом в сарай, выкатил мотоцикл, посмотрел на градусник, висящий на заборе, минус тридцать. В такой мороз я еще не заводил свой «Минск», доставшийся мне по наследству от двоюродного брата. Но очень уж я хотел увидеться со старшим братом Виктором, поделиться впечатлениями. Поэтому решил попробовать завести его. В таких случаях я обычно открывал краник бензобака, нажимал на кнопку подсоса бензина на карбюраторе и ждал, когда он наполнится, но не только наполнится, но и начнет капать через верх. Накапав немного бензина в нишу под карбюратором, я поджигал его. Бензин загорался и горел секунд восемь-десять. Этого хватало, чтобы отогреть карбюратор, после этого мотоцикл обычно заводился. Но у меня такой опыт был только до минус двадцати пяти. Я понимал, что карбюратор в этот раз замерз гораздо сильнее, поэтому прилично так налил под карбюратор бензина, чтобы точно отогреть. Мотоцикл стоял прислоненный к веранде дома, я как обычно поджег бензин — и тут же испытал нешуточный стресс, пламя было настолько большим, что охватило не только карбюратор, но и весь бензобак. Я мгновенно осознал, что он может взорваться. Молниеносно оказался на летней кухне, где стояла в ведрах вода, взял одно и, быстро вернувшись к горящему мотоциклу, вылил воду под карбюратор. Я и подумать не мог, что вода разольется по двору, а горящий бензин, так как он легче, окажется сверху этой воды, растечется по всему двору и продолжит гореть. Это было невероятно страшно, я бросился за вторым ведром воды, и тут же вылил его уже на горящий бензин, вода растеклась еще больше по двору. Воды на кухне больше не было. Это были очень длинные секунды растерянности и страха.

Пламя через несколько секунд потухло, но не от того, что я залил его водой, а от того, что площадь стала больше, а пленка бензина на воде тоньше и он просто сгорел.

Стоял тридцатиградусный мороз, а двор был полон воды, и с этим надо было что-то делать. Я стал кидать из огорода снег во двор и уже мокрый снег собирать и кидать обратно. Но

перед этим я все-таки сначала завел мотоцикл, чтобы не пришлось опять отогревать. Закончив прибираться во дворе, я сел на мотоцикл и поехал к брату. Родители все это время были дома и спокойно читали Библию, даже и не подозревая, что их младшенький только что чуть не сжег дом и все постройки.

Называя меня профессором, они дали мне столько свободы, сколько не давали никому из моих братьев и сестер. Помню, как мама ходила зимними вечерами искала Гену, если он не пришел домой, ему было тогда больше двадцати двух лет, она все переживала, что он напьется с друзьями и по дороге домой упадет в снег и замерзнет. Ходила с фонариком по дорогам.

Мне было четырнадцать, и если я приходил домой позже обычного, меня встречала на крючок закрытая дверь, а родители уже спали. В первый раз, когда это случилось, я был сильно расстроен и обижен, появилось ощущение, что я совсем им не нужен и им все равно, где я и что со мной. Как можно спокойно спать, когда подростка нет дома, думал я. Но очевидно, все переживания родители уже потратили на старших.

Я ночевал где придется, на летней кухне, в доме у брата или там где застала ночь. Утром мама иногда спрашивала, где я был. Чтобы она не беспокоилась, я всегда отвечал одно и то же, что ночевал у брата Виктора. Даже когда приходил рано утром и ложился спать и было видно, что это не так, этот ответ всех устраивал. Я становился взрослым не по годам, полностью распоряжался своей жизнью и временем, принимал решения, ни у кого не спрашивая разрешения. Мог поздно вечером прийти, завести мотоцикл и уехать. Возвращаясь рано утром, метров за двести до дома, я разгонялся, включал нейтральную скорость и глушил мотоцикл. Тихо, без звука, чтобы не разбудить родителей, за счет инерции докатывался до калитки. Перелазил через забор, потихоньку закатывал мотоцикл и ложился спать на летней кухне.

Мотоциклы и тайга окончательно стали частью моей жизни. Перебравшись через железнодорожный мост, мы тряслись по лесным дорогам, потом собирали чернику. Пальцы становились темно-синими от ягодного сока, спина ныла от постоянного наклона, а горбовик наполнялся тяжелой блестящей ягодой. Часть добычи я оставлял дома — на варенье, а часть продавал. И это уже были совсем другие деньги — не копейки за бутылки, а настоящий заработок. В сезон многие жили этим. Ведро черники тогда стоило дорого, по тем временам почти как чья-то месячная зарплата. Поэтому в тайгу ехали не просто погулять или отдохнуть. Это была настоящая работа.

Вообще, как только я понял, что могу сам заработать деньги, я постоянно что-то придумывал: собирал подорожник и сдавал его в аптеку. Как-то с другом устроились работать на подсобное хозяйство. Работа была тяжелая для пацанов нашего возраста: мы дробили пшеницу, делали сечку, таскали мешки в свинарники. Пыль стояла столбом, одежда быстро становилась серой от муки и зерна, руки гудели от усталости. Я тогда получил ощутимые деньги, для двенадцатилетнего пацана. Часть, помню, отдал маме. А на оставшиеся купил себе часы «Монтана». Электронные такие, с мелодиями. Сегодня это кажется какой-то мелочью, а тогда такие часы были поводом для гордости. Я смотрел на них, нажимал кнопки, слушал простенькие мелодии и гордился тем, что купил их себе сам.

Потом начал подрабатывать другими способами: колол дрова соседям — в основном пенсионерам. Работа была тяжелая: особенно зимой, когда поленья мерзлые и топор отдает в руки глухим ударом.

Еще подшивал валенки. Брал старые голенища, вырезал из них заплатки, усиливал подошву. Работа полностью ручная, долгая. Сидел по вечерам, тянул нитку, прокалывал плотный войлок, пальцы болели, а рядом лежало еще несколько пар в очереди. Люди приносили валенки, платили немного, но для меня это были деньги, заработанные своим трудом.

Пришли девяностые, привычная жизнь Советского Союза рассыпалась. Появился дефицит, магазины были пустыми. За самыми обычными вещами приходилось стоять в очередях.

После школы приходилось иногда идти не домой, а в магазин за хлебом — занимать очередь с талонами в кармане. Давали, кажется, по полбулки на человека. И то не факт, что достанется. Если приходил поздно, хлеб уже разбирали, и люди расходились злые, уставшие.

Талоны тогда были почти на все: на сахар, муку, соль, сигареты, водку. Бумажки с печатями становились важнее самих денег. Но особенно ценились сигаретные и талоны на водку. Водка тогда стала практически валютой, и сигареты курильщикам нужны были постоянно.

У нас дома никто не курил. Отец был против и курения, и алкоголя. Поэтому талоны на эти товары для семьи ценности не имели, они просто лежали в шкафчике среди документов и квитанций. А я довольно быстро сообразил, как вообще устроена вся эта неофициальная экономика у взрослых и что это возможность доставать необходимые мне вещи, запасные части к мотоциклу и бензин. Я давал талоны и деньги на покупку сигарет какому-то знакомому взрослому, так как детям не продавали, он отоваривал все. Я за услугу давал ему пачку сигарет.

Все постоянно что-то меняли. Один доставал сигареты, у другого был доступ к спирту, который выпускал завод, у третьего — какие-нибудь детали, инструменты или дефицитные вещи. Например, поршневые кольца для мотоциклов купить было невозможно, а по бартеру можно было найти. Деньги вроде существовали, но сами по себе мало что значили, так как инфляция была дикая. Важно было другое: что именно у тебя есть на руках и на что это можно обменять.

Схемы иногда выстраивались длинные. Это работало именно так. И когда в итоге на руках оказывалась нужная деталь, возникало ощущение, что ты ее буквально добыл. Главной валютой при этом были бутылка спирта 96 градусов и водка «Столичная».

У меня постепенно появилась своя маленькая коллекция для обмена. Лежали разные сигареты: «Родопи», «Астра», «Прима», «Аэрофлот», «Беломор», стояли и бутылки: «Столичная», спирт 96 градусов. Все это я хранил в сарае, где стоял мотоцикл. Там был погреб, полки, старые ящики, и за одним из них у меня находилась моя заначка. Родители не знали о моих схемах. Не расспрашивали, где я, с кем, чем занимаюсь. Относились ко мне как ко взрослому, самостоятельному человеку.

Недалеко работал асфальтовый завод, и к нему с реки на дробилку возили гравий серьезные мужики на Камазах. Временами было скучно, мы стояли на дороге, где проезжали Камазы, и просились в кабину покататься, а они спрашивали:

— Есть сигареты? Если есть, залезайте.

Пока мы катались, они курили наши сигареты. Но однажды я увидел, что у них есть карты с голыми женщинами, я обменял несколько штук на пачку сигарет. Принес их в школу и очень выгодно продал их ребятам из старших классов. Такой бизнес делал, пока вахтовики работали на дороге, но однажды они исчезли.

Начало девяностых, это были лихие времена, много возможностей и много риска, особенно для тех, кто был постарше и жил в столице или ближе к ней. Мы же, пацаны-подростки в глубинке, оказались в нищете и в рухнувшей системе ценностей, которую до этого выстраивал коммунизм. По стране шагал капитализм, пришедший с Запада, только он забыл захватить с собой свою систему ценностей. Поэтому даже взрослые люди оказались дезориентированы, и мы это видели и чувствовали. Все это оказало влияние на наше ближайшее будущее.

История с кражей, в которую я влип уже не по-детски, со стрельбой, задержанием, камерой и уголовным делом — пример такого влияния.

Глава 5

Недалеко от места, где мы жили, находилась база стройматериалов: огромные склады еще советских времен. Место само по себе было почти как отдельный мир: длинные ряды серых ангаров, запах сырого дерева, ржавого железа и пыли. По периметру — колючая проволока, заросли ранеток, старые заборы. Мы туда еще совсем мальчишками ныряли за ранетками и чувствовали там себя как дома, знали все входы-выходы, где какая доска не прибита, на каком участке колючка отодвигается легко. Однажды мы решили посмотреть, а что там внутри складов, отогнули несколько досок и увидели ящики с гвоздями. Сейчас звучит странно — ну гвозди и гвозди. А тогда это была настоящая ценность. В хозяйстве они всегда нужны. Их можно продать или обменять, например, на бензин.

У нас тогда уже были мотоциклы и постоянный дефицит бензина. Мы знали, что бензин был у тех, кто работал шоферами, они на обед подъезжали к своим домам и сливали себе излишки.

Мы с друзьями начали брать гвозди, сначала понемногу рассовывали по карманам, потом начали вытаскивать ящиками, обменивали гвозди на бензин или на спирт. Не сразу, но сторож заметил пропажу ящиков и заявил об этом в милицию.

Мы об этом, конечно, не знали и продолжали набеги на базу. Мотоциклы были, а значит, нужен был бензин. И вот однажды зимой, как только стемнело, мы вдвоем с другом Женькой снова полезли за нашей «валютой». Перелезли через забор, залезли в склад. Слышим, подъехала машина. Мы выглянули, там милиция. Оказывается, нас уже поджидали. Мы через забор и бежать, а снег глубокий, быстро не побежишь. Кто-то из милиционеров крикнул:

— Стоять! Стрелять буду!

Мы понимали, что серьезно влипли, и не собирались останавливаться, прибавили ходу, завернули за угол, они за нами, прозвучало два выстрела, через минуту еще два. Стало по-настоящему жутко. Я бежал, ноги передвигались на автомате, в голове маячила только одна мысль: «Лишь бы не догнали». Мы попытались спрятаться, сидим, не шевелимся. И тут над ухом строгое:

— Вот они!

— Руки медленно вверх!

— Вставайте, отбегались!

Нас погрузили в УАЗ, повезли в отделение.

Пока ехали, один оперативник другому говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.